

Андрей КУНИЛЬСКИЙ
г. Петрозаводск

ОЛОНЕЦ, ОЛОНЕЦ — ПАМЯТЬ НАШИХ СЕРДЕЦ...

*Уважение к минувшему — вот черта,
отличающая образованность от дикости.*

Александр Пушкин

*Я тоскую по родине,
По родной стороне моей...*

Г. Храпак, Ж. Ипсиланти
(из репертуара Петра Лещенко)

*Мой папа был чистокровный англичанин...
грек не папа, а дядя, родной брат папы...*

Анатолий Папанов, Георгий Вицин

Слова, вынесенные в заглавие, взяты из песни, написанной моей тетушкой Эмилией Александровной Тихоновой, которая всю свою жизнь прожила в Олонце. Когда-то она возглавляла там отдел культуры райисполкома, а потом, после болезни, работала экономистом в строительной организации ПМК-369.

*На планете земной много есть городов,
И больших, и великих, и малых,
Но один лишь из них в своем сердце храним
И всегда, и везде вспоминаем.
Олонец, Олонец — память наших сердец,
Мы с любовью не раз повторяем:
Олонец, Олонец — небольшой городок,
И желанней другого не знаем.*

Эту песню мы всегда исполняли во время семейных праздников. Старшее поколение нашего рода действительно любило свой город. Моя мама говорила, что, когда она по пути на свою малую родину выезжала на Олонецкую равнину, у нее радостно становилось на сердце.

И по линии отца я тоже связан с этим городом. В детстве я стремился туда, в частности, потому что там было две реки и множество озер вокруг, а в городе на Украине, где служил мой отец, летом жарко, но купаться и рыбачить негде. Но когда после университета я должен был отработать в Олонце три года, я уже воспринимал это как ссылку, потому что мне хотелось заниматься наукой

и преподавать в вузе. Теперь же я думаю, что прежний порядок, при котором выпускники высших учебных заведений направлялись в глублинку, был правильным: надо знать свою страну и свой народ. И надо знать то место, откуда пошел твой род.

ОБРЕТЕНИЕ КОРНЕЙ

Интерес к истории своей семьи возник у меня не сразу, а лет так в сорок пять. Молодости свойственно жить настоящим: в это время перед человеком стоит столько проблем, что ему не до прошлого. Может быть, у других иначе, но у меня было так.

Конечно, кое-что я знал из рассказов моей единственной бабушки Клавдии Павловны Нюпиевой, однако не придавал этому особой важности, и многое выветрилось у меня из головы, о чем я сейчас очень жалею. Мне не хватило ума поступить так, как сделал это в позапрошлом веке автор книги «Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово». Он не побоялся возможных насмешек, представление о которых дают расхожие выражения: «это всё бабушкины сказки» или «бабушка надвое сказала».

Было бы хорошо, если бы грамотные люди записывали рассказы своих бабушек и дедушек, родителей — необязательно для того, чтобы публиковать, но для того, чтобы это хранилось в семейном архиве и переходило от поколения к поколению. Может быть, бытование такой частной истории, способной конкурировать с официально принятой и утвержденной, кому-то и не понравится, но зато будет способствовать тому, что Пушкин назвал «самостоянье человека, залог величия его». Тогда и официальная история стала бы более объективной. Справедливости ради надо сказать, что сейчас такие дисциплины, как частная и локальная история, становятся всё более популярными.

В 1863 году Константин Леонтьев напечатал статью, посвященную современной ему литературе. Статья эта осталась незамеченной, а напрасно. В ней автор предъявлял отечественной словесности серьёзную претензию к тому, что писатели изображают жизнь, используя усто-

явшиеся шаблоны. Леонтьев назвал их «застывшими гримасами беллетристики». Он доказывал на конкретных примерах, что в жизни многое не так мрачно и безысходно, как это изображается в литературе, и отдавал предпочтение газетным публикациям, чиновничьим документам, мемуарам. Именно там он находил «полное дыхание жизни». Леонтьев не отрицал всей современной литературы, в ней он выделял, например, «Семейную хронику» С. Т. Аксакова и «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. То, что сейчас называется nonfiction.

Такие мысли пришли мне в голову, когда я стал открывать для себя историю своей семьи и увидел, что она связана (кто бы мог подумать!) с историей нашего края, страны и всего того, что вокруг.

А дело было так. В 1997 году мой начальник Владимир Николаевич Захаров (тогда декан филологического факультета и зав. кафедрой ПетрГУ) вызвал меня к себе и спросил, есть ли у меня загранпаспорт. Я ответил, что нет, и Владимир Николаевич посоветовал срочно заняться его оформлением, так как мне предстоит командировка в Хельсинки. Он сам оттуда недавно вернулся после работы в университетской Славянской библиотеке. Там В. Н. Захаров обнаружил рукописные лекции Оскара фон Шульца — полузабытого в Финляндии преподавателя, и эти лекции показались моему коллеге очень интересными и достойными публикации, особенно курс «Светлый, жизнерадостный Достоевский». Я получил задание подготовить материал к печати. Тогда между ПетрГУ и Университетом Хельсинки действовал договор о сотрудничестве, предполагающий обмен студентами и преподавателями, их размещение и содержание, так что посетить дружественный вуз и поработать в нем было достаточно просто.

Когда закончилась летняя сессия и начался отпуск, я отправился в Хельсинки. По дороге навестил в Петергофе сына — курсанта высшего общевоинского командного училища. Оно размещалось в бывших казармах Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. «Петергофскими уланами» были дорогие нашему сердцу литераторы — Всеволод Крестовский («Петер-

бургские трущобы», «Кровавый пух») и Николай Гумилев.

Кстати, русским офицером являлся, несмотря на свое имя и фамилию, и Оскар фон Шульц. Сын генерала русской службы, воинского начальника (по-современному — военкома) в Финляндии (которая тогда входила в состав Российской империи), Оскар фон Шульц окончил в России кадетский корпус, военное училище и Киевский университет, служил, вышел в отставку в звании штабс-капитана и вернулся на родину. На всю жизнь он сохранил любовь к русской литературе, которую не боялся пропагандировать даже в годы сближения Финляндии с гитлеровской Германией.

В начале июля 1997 года я приехал в Хельсинки, поселился в предоставленной мне квартире на улице Манеэсикату. В переводе на русский это означает «Манежная улица». На ней расположен манеж, где когда-то кавалеристы занимались верховой ездой. В доме по соседству помещается Русская купеческая библиотека, возникшая после обретения Финляндией независимости. Тогда в городе были закрыты все русские гимназии. Чтобы книги из их библиотек не были выброшены на свалку, русские купцы собрали их в одном месте и учредили новую библиотеку.

К счастью, в бывшем Императорском Александровском Гельсингфорсском Университете (открыт по указу Николая I в 1827 году), который стал называться Университетом Хельсинки, русскоязычные книги не уничтожили, а сосредоточили в Славянской библиотеке. Она известна славистам всего мира, потому что располагает замечательным собранием русских изданий XVIII–XXI веков, в том числе советских и эмигрантских.

Вот в этой библиотеке, о которой у меня сохранились самые добрые и благодарные воспоминания, я и провел июль 1997 года, разбирая рукописные лекции Оскара фон Шульца. В 1999 году часть из них была опубликована издательством Петрозаводского университета (Шульц, Оскар фон. Светлый, жизнерадостный Достоевский. Петрозаводск, 1999). Презентация книги состоялась в Институте Финляндии в

Санкт-Петербурге, о ее выходе в свет писали в газетах — от финской «Хельсингин саномат» до японской «Майнити симбун».

Главным для нас, русских, человеком в Славянской библиотеке была Ирина Лукка — в прошлом наша соотечественница. Общаясь с ней, я упомянул о том, что где-то в Тампере проживают мои родственники, о которых я узнал недавно, и фамилия у них Куунила. Энергичная и отзывчивая Ирина тут же принесла телефонную книгу Тампере и нашла нескольких абонентов с нужной фамилией.

Незадолго до моего отъезда в Финляндию моему отцу родственники из Олонца передали одно письмо. Его в Олонецкую мэрию прислала из Франции Дениз Массон. Она писала, что ее отец Василий Кунильский был родом из Олонца, но его уже нет в живых, а она хотела бы установить контакт с кем-нибудь из родных. Там же она сообщала, что брат Василия Григорий Куунила проживал в Финляндии, в Тампере, на улице Hämeenpuisto, и у него семеро (!) детей.

Вот тебе на! Как в той юмореске: «Мой отец был чистокровный англичанин, а его брат был грек». Что касается моего отца, то он, советский офицер и коммунист, в анкетах в графе «имеете ли родственников за границей?» писал: «не имею». Он рано остался сиротой и всегда мог сослаться на то, что никто ему ничего не говорил. Из старших родственников у него оставалась одна тетя Дуся, но и она узнала о братьях, живущих за границей, только в августе 1963 года. До войны у нее с ними связь была, но после войны — нет, а за это время многое могло случиться. Она сама пережила блокаду Ленинграда, так что знала, как это бывает: есть человек — и нет его.

Видимо, моими родителями было ей наказано меня, мальчишку, в семейную тайну не посвящать. Отец, имея в виду мою говорливость, часто повторял: «Болтун — находка для шпиона!» В 1977 году я прожил в Ленинграде у тети Дуси (которая на самом деле приходилась мне двоюродной бабкой) целый месяц, но что-то не припомню, чтобы мы обсуждали тему о ее заграничных братьях.

Вообще о своих предках из семьи Кунильских я тогда имел смутное представление. Знал, что мой дед Александр нашел себе невесту во время обучения в бухгалтерской школе в Каргополе (который раньше входил в состав Олонецкой губернии). Ее звали Анна Петровна Храмулина. Якобы ее отец был против их брака, но она не послушалась, уехала в Олонец, где родила шестерых сыновей, один из которых умер в детстве. Дед Александр Иванович скончался в возрасте тридцати шести лет, бабушка Анна Петровна — в 1942 году, в эвакуации, в Нюхче. Мой прадед Иван Семенович Кунильский был сапожником, его жена, моя прабабушка, ворожила. Вот и все. Я даже не знал, сколько у них было детей. Относительно нашей фамилии говорили, что она украинского происхождения, потому что, по семейному преданию, нашим предком был солдат с Украины.

Таковым был запас моих знаний о предках по отцовской линии, когда я в Славянской библиотеке составлял письмо в Тампере женщине по имени Юлия Куунила. Ее я выбрал потому, что адрес у нее почти совпадал с адресом Григория Куунила, указанным в письме Дениз Массон. В своем послании я представился и объяснил, что ищу родственников, и, если госпожа Куунила относится к их числу, то хотел бы встретиться. Еще я предупредил, что финским языком не владею, но немного говорю по-английски. Как только я закончил, упомянутая выше Ирина Лукка взяла письмо и отнесла его своим коллегам финкам, а они быстренько всё перевели и напечатали на компьютере. Оставалось только купить конверт с маркой, поместить в него письмо и опустить в почтовый ящик, что я и сделал на следующий день субботним утром.

Выходной день я провел на пляже острова Суоменлинна, который до 1918 года именовался Свеаборгом. На нем в свое время размещалась база российского Балтийского флота. Здесь в 1811 году в семье флотского врача родился будущий прославленный литературный критик Виссарион Белинский. В Свеаборге в 1847 году несколько месяцев прослужил военный инженер Михаил Достоевский — любимый брат великого писателя. Так что места-то нам родные!

В понедельник вечером я вернулся из библиотеки, занялся приготовлением ужина, и тут зазвонил телефон. Мужской голос обращался ко мне по-английски с вкраплением финских слов. Я немного растерялся, но сумел понять, что он говорит со мной по поручению Rouva Julia Kuunila (то есть госпожи Юлии Куунила) и ее брата Herra Jorma Kuunila (господина Йормы Куунила). Они получили мое письмо и спрашивают, как будет лучше для меня: им ли приехать на встречу со мной в Хельсинки или мне к ним в Тампере? Я ответил, что вполне могу навестить их в следующие выходные. На этом и порешили.

В общем, через несколько дней, в пятницу, на железнодорожном вокзале Тампере меня встречала группа вновь обретенных родственников: брат и сестра Йорма и Леа Куунила (мои двоюродные дядя и тетя), сын Йормы Харри. Хорошо, что они прихватили с собой переводчицу — бывшую петрозаводчанку Марину Кабанен, которая облегчила общение родственников, не имеющих общего языка. У Юлии меня ожидал сюрприз — встреча с вдовой Григория Импи — 86-летней старушкой, родившейся недалеко от Олонца, в Импилахти, и скончавшейся через месяц после нашего знакомства. Сам Григорий умер в 1986 году.

Это были два дня интенсивного общения с бывшими Кунильскими, носившими теперь фамилию Куунила. Ее выбрал после войны их отец и дед Григорий. Смена фамилии была утверждена президентом Финляндии Паасикиви, о чем свидетельствует хранящаяся в семье грамота.

В понедельник, уже в Хельсинки, состоялось мое знакомство с Кауко Скютта — внуком Григория и моим троюродным братом. Мы стали друзьями и соратниками в восстановлении родственных связей и изучении истории нашей большой семьи. Кауко, владелец IT-компании, сделал для меня копии 119 старых писем, хранящихся у него. Их авторами являются моя прабабушка Анна Тимофеевна Кунильская, прадед Иван Семенович Кунильский, их сыновья Василий, Петр, Александр (мой дед), Григорий и дочь Евдокия. Большую часть писем сохранила и переслала в Финляндию Дениз — дочь Василия, которому все эти послания были адресованы.

Старые письма стали для меня важным источником в изучении истории рода. И, конечно, — беседы с родственниками в Финляндии. Также особой благодарности заслуживает Галина Петровна Барская (дочь Петра Георгиевича Кунильского), которая провела серьезные архивные разыскания и смогла ответить на вопрос о происхождении нашего рода и его фамилии. С цитирования ее записки, составленной по результатам исследования, я и хочу начать.

Г. П. Барская

«КУНИЛИЦА В ЖИЗНИ МОЕЙ СЕМЬИ

Слово «Кунилица» я слышала с детства, знала, что это какой-то населенный пункт в окрестностях Олонца. Гораздо позже я поняла, что деревня Кунилица имеет ко мне прямое отношение, потому что здесь жили мои предки.

В архивных документах деревня Кунилица впервые упомянута в 1563 году как «Кунилицы», а в 1582 году как «Куневицы». В Писцовых книгах 1582 года есть запись: «Деревня на Олонце ж повыше погоста Куневицы на реке на Олонце, хоромы ставят после войны, а в ней крестьян: Васка Иванов да три места дворовые, хоромы пожгли и крестьян побили немецкие люди...» [Имеется в виду нападение шведов на Олонец в 1581 году в ходе Ливонской войны. — А. К.]. Разные варианты названия деревни можно объяснить тем, что писцы при составлении писцовых книг воспринимали все на слух. В дальнейшем остался вариант — Кунилицы / Кунилица.

Деревня Кунилица относилась к Рождественскому Олонецкому погосту, где все села, деревни, пустоши, займища назывались дворцовыми. Управление ими было подчинено Дворцовому приказу, а доходы, которые с них собирали, шли не в общегосударственную казну, а в частную казну великого князя.

Кунилица располагалась на высоком берегу реки Олонки ниже по течению после слияния реки Инемы с рекой Мегрегой. Она и сейчас находится на прежнем месте недалеко от Успенского собора Олонца. Когда-то туда курсировал автобус, в памяти остались слова: «Кунильский прогон» или «Кунильский проезд» — Куунила кве, что значит — тракт, дорога. Это означало

дорогу от собственно города Олонца к Успенскому собору (городскому кладбищу), при этом поворот влево вел к собору, а поворот вправо вел к деревне Кунилица.

В конце 80-х гг. моя тетя Глафира Георгиевна Кунильская водила меня в Кунилицу и показала то место в деревне, где стоял дом наших предков на берегу Олонки. Дома тогда уже не было, но сохранилась береза, которая стояла рядом со старинным домом. Я могла лишь в своем воображении представить, какую картину могли наблюдать мои предки из окон дома — это были берега неширокой реки с тихим течением.

Летом 2024 года я увидела эту картину своими глазами и сделала фотоснимки на память. Нынешняя Кунилица стала частью города, она состоит из одной улицы с двумя-тремя старыми карельскими домами, сохранившимися до наших дней.

Когда я побывала в Кунилице впервые и стояла на том месте, где был дом предков, я не думала, что в дальнейшем буду часто вспоминать это. Дело в том, что при поиске родословной надо знать не только имена, но, прежде всего, место проживания. Слово «Кунилица» было как пароль, который открывал мне путь к архивной информации. Изучив Метрические книги, Ревизские сказки, Исповедные ведомости и другие документы из Национального архива РК и Российского государственного архива древних актов (РГАДА), я составила генеалогическое древо моих предков — жителей Кунилицы. На основании архивных данных стало возможным узнать имена тех из них, кто жил там».

Галина Петровна установила, что первыми под фамилией «Кунильские» были записаны олонецкие мещане деревни Кунилиц братья Николай и Алексей Семеновы (то есть сыновья Семена) (Ведомость городских магистратов о купцах и мещанах (именной список граждан) города Олонца за 1824 год). Раньше люди записывались по отцу, но с 1811 года указом Александра I использование фамилий стало обязательным.

Следуя по документам от сыновей к отцам, Г. П. Барская дошла до того, за кем уже никого не было, — то есть до основателя нашего рода. Им оказался Юрья Прокопьев (1683–1760).

«Юрья Прокопьев пришел в Кунилицу между 1707 и 1720 гг. За этот период население Кунилицы полностью обновилось. Юрья упомянут как житель деревни Кунилица в Сказке дворцовых крестьян Олонецкого погоста в 1720 году. Ему 37 лет, он живет на подворье у крестьянина Артемия Трифонова. У Юрьи еще нет ни своего дома, ни семьи, ни детей. Откуда он пришел — неизвестно. Юрья взял в жены вдову Улиту Нестерову (1703–1765) из той же деревни. Дети Юрьи родились в Кунилице: Василиста (1723) и Леонтий (1724–1801). Следующие поколения потомков Юрьи жили в Кунилице».

У Леонтия был сын Семен (1753–1808), у Семена — уже известные нам Николай и Алексей (1805–1863), у Алексея — Семен (1838–1900), у Семена — сыновья Иоанн (1865–1937), Федор (1875–1946) и Георгий (1880–1933).

«Иван, Федор и Георгий со своими семьями с начала 20 века жили уже в Олонце — Георгий на улице Зиновьева, ныне Титова, Иван на улице Володарского, Федор на улице Луначарского».

Иван, или Иоанн (1865–1937) — это мой прадед Иван Семенович Кунильский.

Таким образом, благодаря Г. П. Барской теперь известен основатель нашего рода — Юрья Прокопьев, который пришел в Кунилицу в начале XVIII столетия. Возможно, это и был солдат украинского происхождения, о котором говорилось в семейном предании. Украина воссоединилась с Россией в 1654 году, а Юрья родился в 1683-м и вполне мог стать русским солдатом. В 1700–1721 годах Россия вела Северную войну со Швецией. Граница со Швецией проходила тогда в шестидесяти верстах от Олонца. По окончании войны предполагаемый солдат Юрья нашел пристанище в деревне Кунилица — сначала как работник в чужом доме, а потом, после женитьбы на юной вдове, как самостоятельный хозяин. А на Украине его могли звать Юрко Прокопенко чи Прокопчук, чи Прокопович — «хто ж його знає».

Решился вопрос и о происхождении нашей фамилии. Она — от названия деревни, в которой жили предки: Кунилица. В Олонце о человеке из Судалицы говорят, что он судальский, из Юргелицы — юргельский, из Татчелицы — тат-

чельский и т. п. Карельский и финский вариант названия Кунилицы — Kuunila (как она обозначается на финских картах). Так что Григорий не сильно изменил свою фамилию, из Кунильского превратившись в Kuunila. Изменилась национальность.

Кстати, на Украине тоже существует фамилия «Кунильский», в чем я имел возможность лично убедиться, и происходит она от топонима «Куниль», зафиксированного в Ипатьевской летописи под 1150 годом (это территория нынешней Винницкой области). Но после всего сказанного, думаю, ясно, что украинская и олонецкая фамилии являются своеобразными омонимами, то есть словами одинаково звучащими, но разными по смыслу и происхождению. А этимология названия деревни Кунилица до сих пор является предметом гипотез: 1) от kuničci (в ливвиковском наречии — ‘куница’); 2) от kuuni:l, что с ливвиковского языка на русский переводится как ‘слеза’, и это объясняется близостью кладбища, существующего с 1787 года (В. С. Иванов); 3) от kuinehus ‘глухота’, kuuniz ‘глухой, плохо слышащий’ (Д. Кузьмин, И. Муллонен, Е. Захарова).

Деревня Кунилица всегда была небольшой. Всезнающий интернет свидетельствует: «Согласно «Списку населенных мест Российской империи по сведениям 1859 — 1873 годов», в 1873 году в Купелице (так!) проживало 29 человек. По соответствующим документам, в 1905 году — 43 человека, 13 семей в 8 домах». Теперь статус Кунилицы понижен: из самостоятельного населенного пункта она превратилась в «улицу Кунильскую» в составе деревни Путилица.

Сейчас я уже точно знаю и могу перечислить имена детей моего прадеда Ивана Семеновича и его жены Анны Тимофеевны: Иван (1891–1919), Пётр (1894–1930), Александр (1896–1932), Василий (1898–1972), Григорий (1903–1986), Евдокия (1906–1982), Варвара (1908–1918).

ВАСИЛИЙ

Как я уже упоминал, в 1963 году из Франции в Олонец пришло письмо от Василия Кунильского. Вот оно:

«20 Августа 1963 года.

Франция. Le Treport на море.

Мои все дорогие, которые еще в живых.

Сорок четыре года тому назад я покинул родину не по своей воле, а под силой, и никогда не мог вернуться. Обращаюсь к тому, кто прочтет это письмо, сообщить оставшимся в живых из семьи Кунильских из гор. Олонца (Карелия, бывшая Олонецкой губерния), что двое из этой семьи еще живы. Василий (это я) и Григорий (который в Финляндии), с Григорием я переписываюсь изредка, а из России нет вестей с 1934 года. Если кто-либо еще жив и помнит меня, сделайте милость позволить ему ответить на это письмо.

В 1919 году, когда нас угнали в Финляндию, бежать обратно я не мог, т. к. среди нас, беженцев, был убийца моего брата Вани по имени Назаров, который следил за нами с братом Петей и говорил финнам, что хорошо сделал, когда донес на Ваню, чтобы его убить, и говорил это даже перед нами, не стесняясь.

Но благодаря Георгию Васильевичу Куттуеву (олонецкий купец), который нам сделал подложные документы, нам удалось удрать из Финляндии, но вместо России мы с Петей попали по ошибке на север к англичанам, нас остановили в лесу где-то около Святозера и мобилизовали в армию. Петя был где-то на севере доктором, а я писарем в 5-й северной стрелковой бригаде, где меня сделали военным чиновником.

Когда фронт пал, я со штабом очутился снова в Финляндии и чудом избежал расстрела (от финнов), которые не могли простить наше бегство.

Потом нас отправили к Врангелю через Англию, Францию и Югославию, но судьба меня остановила в Лондоне (т. к. фронт Врангеля пал), и после 2-х месяцев я очутился во Франции, где и проживаю в Париже и около вот уже почти 43 года.

Нарукавная повязка «олонецкого волонтера». Буквы A.V. A означают Aunuksen vapaaehtoinen armeija, т.е. Олонецкая Добровольческая армия

Все время работал столяром, женился в 1926 году, имею дочь с 1928 года, она тоже замужем, и у нее есть дочь — моя внучка Сильвия, которой 10 лет, ее отец инженер на металлургическом заводе, где я с ним работал старшим мастером по дереву. В настоящее время я кончил свою карьеру (мне 65 ½ лет), и после 43 лет работы я отдыхаю на море без заботы о завтрашнем дне. У нас свой дом, который мы построили сами вдвоем с зятем, свой автомобиль и все, что нужно.

Несколько слов о жизни во время последней войны. Не будучи мобилизован (т. к. мне было более 42-х лет), я работал на заводе. Во время отступления немцев в 1944 году я спас 5 русских военнопленных с риском для моей жизни и жизни моей дочери Дины, которая была еще девушкой, а 4 остальных немцы расстреляли, чтобы не связываться (их было 9 человек в нашем городке). Из 5 спасенных один был офицер (поручик), один учитель и трое солдат. Их имена находятся в Городской Думе (Ville de Thiais departement Seine), между прочим, они никогда нам не написали ни слова, чтобы поблагодарить. Почему? Они все имели мой адрес и обещали писать. Не имея никаких вестей ни о моих родителях, ни о ком из Олонца, для меня остались лишь дорогие воспоминания о моей молодости, между прочим, самые лучшие воспоминания об Оле Кирьяновой, с которой я служил вместе. Не знаю, жива ли она, и мой сердечный привет ей до конца моей жизни. В то время я ее не понял, и, быть может, моя

жизнь потекла бы по другому руслу. Только под старость можно отдать отчет о всех ошибках молодости. С 1926 года я французский гражданин, и мою вторую родину я люблю всей душой до конца моей жизни, о возврате не думаю, т. к. мне нечего делать и видеть в Олонце, Франция моя любимая страна, и Париж мой лучший светоч, и я здесь умру.

Если времена изменятся к лучшему, я, может, могу приехать туристом на могилку моих родителей, Вани, Шуры, Пети, Вари и, может, Дуни, но в России мне больше нечего делать, моя жизнь кончена.

Чтобы украсить мою старость, пишите мне по адресу:

Monsieur Basile Kounilsky
17 Avenue Pierre Curie [Пьер Кюри]
à Orly (Seine) France

P. S. Вы можете писать по-французски, т. к. я понимаю и пишу в совершенстве на этом языке.
В. Кунильский».

Готовя письмо к печати, я подверг его минимальной правке. В частности, убрал все «еры» и «яти», которые автор упорно использовал вопреки правилам принятой после революции орфографии. Так его учил Николай Христофорович Литвинов — преподаватель Олонецкого высшего начального училища, о котором Василий Иванович с благодарностью вспоминал до конца жизни.

В этом письме отразилась трагедия семьи Кунильских, разрушенной событиями Гражданской войны.

24 апреля 1919 года в город вошла финская Олонецкая Добровольческая армия (AVA). Ее костяк составляли финские офицеры, которые изменили России (Финляндия ведь была частью Российской Империи) и участвовали в Первой мировой войне на стороне Германии. Это были русофобы, поставившие себе цель присоединить Карелию к получившей независимость Финляндии. В финской историографии их именуют «егеря» и «волонтеры».

В первый же день пребывания в Олонце «волонтеры» расстреляли 26 раненых красноар-

Monsieur
Basile Kounilsky

мейцев, которые находились в Олонецкой уездной больнице. Вместе с ними был подвергнут пыткам и убит смотритель больницы Иван Иванович Кунильский — мой двоюродный дед, брат моего деда Александра. Также в самом начале своего пребывания в Олонце оккупанты казнили 15 коммунистов и 30 беспартийных — учителей, крестьян, подозревавшихся в сотрудничестве с новой властью. Среди убитых — трое малолетних детей.

Хотя на доске среди похороненных указан И. И. Кунильский, на самом деле его могила находится на «Кунильском кладбище», и расстрелян он был, по семейному преданию, не во дворе больницы, а в огороде возле дома Кунильских, где его отец установил памятный крест (сейчас не существует).

Памятная доска на братской могиле советских воинов и мирных жителей, расстрелянных белофинскими интервентами в период оккупации Олонца в 1919 году

Финны пробыли в Олонце меньше месяца, и за это время (с 24 апреля по 15 мая) они расстреляли в городе и округе 286 человек (это в городе, в котором тогда проживало около 2000 человек!), о чем со ссылкой на губернского военного комиссара говорится в газетной заметке 1920 года.

Памятник жертвам финской агрессии установлен на острове, омываемом рекой Олонкой. Там же располагается стадион, устроенный уже после Гражданской войны. Олонецкий краевед

Николай Григорьевич Прилукин поднимал вопрос о его переносе, потому что, по его словам, реально братская могила находится не на краю стадиона, а под ним, занимая всё пространство острова. На это в райкоме партии ему посоветовали молчать и не будоражить людей, так как строить новый стадион — дело хлопотное. Как бывший партийный работник, Прилукин подчинился. Бабушка рассказывала мне о грандиозных похоронах жертв 1919 года: красные гробы, вороньи лошади, залпы салюта...

Уходя, белофинны забирали с собой молодых парней, чтобы сделать из них бойцов за «Великую Финляндию» (об этом мне тоже поведала бабушка). Забрали и двух братьев убитого ими Ивана — Василия и Петра Кунильских.

Василий Иванович Кунильский в своем письме из Франции рассказывает, что уйти от финнов и избежать смерти ему с братом помог Георгий Васильевич Куттуев — известный олонецкий купец, тогда глава «Олонецкой директории» в Финляндии.

В семье Куттуевых в прислугах жила Александра Семеновна — жена Ивана Кунильского. Когда она выходила замуж за Ивана, Куттуевы снабдили ее богатым приданым — вплоть до коровы и леса на строительство дома.

Братья Василий и Петр оказались на территории, где действовала «белая» Северная армия под командованием генерала Евгения Карловича Миллера. Петр стал военным фельдшером, а Василий — военным чиновником, интендантом. Есть фотография, на которой он запечатлен во френче, с погонами, на каждом из них по серебряной звездочке. Прическа — с пробором посередине.

Бабушка Клава говорила, что парни Кунильские были франтами, ходили в шляпах, с тросточками, играли на музыкальных инструментах на танцах.

В моем распоряжении имеются копии нескольких командировочных удостоверений, где говорится, что интендант Кунильский В. И. направляется с целью закупки продовольствия для нужд армии.

В 1920 году Северная армия потерпела поражение, и каждый из братьев Кунильских поступил по-своему. Петр вернулся в Олонец и работал фельдшером до смерти в 1930 году.

Василий отправился в Финляндию. Есть копия предписания, где сказано, что он должен явиться в «канцелярию Особого Комитета» по адресу: г. Гельсингфорс, ул. Елизаветинская, дом 29, кв. 7 — с последующим командированием «на общественные работы на Севере Франции». На самом деле, это было направление в Крым в армию Врангеля.

Когда я был в Хельсинки, я часто ходил по улице Лиисанкату (улица Лиисы, то есть Лизина улица). В конце концов, до меня дошло, что это и есть бывшая Елизаветинская, названная в свое время в честь супруги Александра I императрицы Елизаветы Алексеевны. Относительно номера дома мой троюродный брат Кауко Скютта сказал, что в Финляндии номера домов не меняются. В доме, куда в 1920 году являлся Василий Кунильский, теперь располагается какой-то офис Финской православной церкви.

Пока дядя Вася двигался по указанному в предписании маршруту «Гульль — Лондон — Париж», для «белых» в Крыму всё закончилось, и он остановился во Франции — для того, чтобы остаться там на всю жизнь. В уже упоминавшемся письме Василий назвал Францию своей второй родиной, которой он очень благодарен.

Когда Василий женился в 1926 году, его молодая супруга Мари отправила письмо (этикетное) свекрови. Прабабушка Анна Тимофеевна попросила жену полковника Текстера перевести его на русский, а потом свой ответ невестке — на французский. Еще Василий прислал родителям фотографию, где он изображен в смокинге, с галстуком-бабочкой, с прямым пробором и скрипкой в руках. Представляю, какое впечатление произвел весь этот парижский шик на родителей.

Прабабушка Анна Тимофеевна писала Василию о своей жизни и как-то упомянула о том, что в Смоленском соборе Олонца устроили клуб и показывают кино. Она ходить туда не смеет, потому что считает это кощунством. Она могла знать о событии, происшедшем тогда в Олонце

(привожу информацию Г. П. Барской): «Когда Смоленский собор города Олонца превратили в клуб, молодежь считала грехом развлекаться в помещении бывшей церкви. Жители Олонца до сих пор помнят, что произошло с одной молодой олончанкой, которая пошла в клуб и танцевала там. Вскоре после этого ее разбил паралич — она не могла ходить. Она находилась в таком состоянии 20 лет. Люди считали, что это была божья кара: за танцы в церковном помещении она была наказана».

Дочь Василия Ивановича Дениз и ее муж Жак после выхода на пенсию жили в городке Сен-

Жорж-де-Дидон на атлантическом побережье, но из-за случающихся там бурь они переехали в город Анже — поближе к дочери Сильви (род. в 1953 г.), ее мужу Жану и детям Жюли и Максиму. Сильви и ее муж работали преподавателями в лицее.

Дениз прислала нам копии нескольких документов, в том числе рекомендацию, в которой за Василия Кунильского ручается перед французскими властями его бывший командир — генерал Е. К. Миллер, в эмиграции занимавший пост председателя Российского Обще-Воинского Союза (РОВС). Кстати, женат Миллер был на внучке Н. Н. Пушкиной-Ланской (то есть вдовы Александра Сергеевича).

В 1937 году агенты ГПУ похитили генерала Миллера и вывезли в СССР, где он был казнён. В организации похищения участвовал Сергей Эфрон, муж Марины Цветаевой. Это погубило репутацию семьи поэтессы в эмигрантской среде и заставило её вернуться в Советский Союз. «Благодарность» советских властей известна.

Во время Второй мировой войны Василий с семьей эвакуировался в городок Тиаис в 10,3 километра от Парижа. Когда они через пять лет вернулись домой, всё стояло на своих местах, как будто хозяева выходили ненадолго.

Василий вспоминал, что во время войны он помог пятерым советским военнопленным, один из которых был «поручик» (старший лейтенант). Василий удивлялся тому, что обещавшие писать русские не выполнили своего обещания. В этой связи вспоминается история олончанина Алексея Кошкина, который во время войны попал в плен, оказался во Франции, бежал из концлагеря и стал бойцом французского партизанского отряда. По возвращении в СССР он был отправлен уже в советский лагерь. Впоследствии реабилитирован, из Франции ему прислали награду — золотой крест, который экспонировался в Олонцеком краеведческом музее. Но Василий таких историй не знал и удивлялся молчанию своих советских знакомых.

ГРИГОРИЙ

Григорий был младшим сыном моего прадеда Ивана Семеновича и его жены Анны Тимофеевны, родился он в 1903 году.

Григорий учился в одном классе с Маней Ивановой, сестрой моей бабушки по матери Клавдии Павловны. А с бабушкой Клавой Григорий пел в одном церковном хоре.

Я уже упоминал о том, что, по свидетельству его внуков, Григорий хотел стать священником и собирался поступать в семинарию — очевидно, в Петрозаводске (белое здание на улице Гоголя на территории воинской части, напротив бывшего Дома офицеров, а раньше — епархиального управления). Революция помешала осуществлению этого желания. Еще на него повлияла, конечно, позиция его братьев, находившихся в «белой» армии. В 20-е годы он называл себя «русским монархистом».

Как-то в мае 1922 года юный монархист отправился в церковь. Такова была официальная версия, которой придерживались его родители. Но почему-то мать дала сыну свой шелковый платок. Помню, как бабушка Клава часто напевала:

*Папенька да маменька,
Я уже не маленька,
Мне семнадцатый годок,
Купите шелковый платок.*

Так вот, этот свой шелковый платок, который полагалось иметь каждой уважающей себя девушке, мать вручила Григорию, — видимо, на память, зная, что он домой из церкви вряд ли вернется. И пошел Гриша по дороге мимо Кунилицы и Кунильского кладбища через Пограндуши (деревня в шестидесяти километрах от Олонца), российско-финляндскую границу — на Питкяранту. Так началась его жизнь в Финляндии — до конца дней в 1986 году.

Устроился Гриша работать на лесопилку, женился на девушке Импи из Импилахти, и родили они вместе семерых детей, которые, при других исторических обстоятельствах, могли бы родиться, жить и трудиться на благо России.

Письма Григория брату Василию во Францию и родителям в Олонец, которые сохранила дочь Василия Дениз Массон, показывают, что в Финляндии жилось Григорию нелегко — и материально, и психологически. «Русский монархист» критикует и советские власти, и финскую буржуазию. А мать звала его и Василия домой, писала, что в 20-е годы (в период НЭП) семья стала жить хорошо, построили новый дом, обзавелись скотиной, нанимали работников, потому что отец-сапожник мужичьего труда чурался. Прабабушка Анна Тимофеевна даже обращалась к «всесоюзному старосте» Калинину с вопросом: могут ли сыновья вернуться? Оттуда ответили: пусть возвращаются. Ага! Но сыновья почему-то вернуться не решились.

В 30-е годы положение семьи Кунильских изменилось. Умер Пётр, потом мой дед Александр, оставив жену с четырьмя детьми и беременной пятым. Тяжело заболела прабабушка и уехала лечиться к дочери Дусе в Ленинград (там умерла и там же похоронена). В доме остались прадед Иван Семенович с невесткой Анной Петровной и пятью внуками. Моя бабушка Анна Петровна устроилась в банк, где до этого работал ее муж. Друзья мужа и помогли с трудоустройством.

По рассказам моего отца, его дед Иван Семёнович не скрывал своего отрицательного отношения к советской власти. В разговорах с соседом, который её защищал, прадед говорил: «Да пошла эта советская власть на ...!»

Анна Петровна однажды написала Григорию в Финляндию, что живётся им трудно, отец болеет. Григорий накопил продуктов, две пары теплого белья для отца и решил сходить через границу в Олонец. Но в этот раз переход не состоялся: граница уже по-настоящему охранялась с обеих сторон. Григория остановили финские пограничники, и ему потом пришлось какое-то время посидеть за попытку незаконного перехода границы. А если бы его задержали наши?

Началась «Зимняя» война 1939–1940 годов. Семье Григория пришлось эвакуироваться из Питкяранты вглубь Финляндии. Глава семьи пошел на войну. А куда ему было деваться? Когда человек покидает свою страну и поселяется в другой, последствия его выбора неминуемы.

Финны всегда могли сказать: ты живешь в нашей стране с женой и детьми (а их уже было пятеро, потом, во время войны, родились еще двое), значит, должен ее защищать.

И взгляды Григория изменились. Как он сам констатировал, из русского монархиста он превратился в карельского националиста.

Я думал, что Григорий воевал в одном из «хеймобатальонов» («батальон соплеменников», их было два — из олонецких и беломорских карелов). Но его внук Кауко Скютта сказал: нет, он был в «бригаде К». Я поинтересовался у специалиста по войне с Финляндией профессора Сергея Геннадьевича Веригина, что это за бригада. Ответ был: дальняя разведка и диверсии. Короче, спецназ. Возможно, продолжением «бригады К» в современной финской армии является подразделение постоянной готовности Karjalan Prikaati.

Можно предположить, что Григорий служил во второй роте «бригады К». Вторая рота базировалась на территории оккупированной Карелии в деревне Косалма (моя дача находится в нескольких километрах от этой прекрасной деревни). Это место отмечено на карте, где Григорий фиксировал пункты своего пребывания в Карелии во время войны. Карта хранится у Кауко Скютты. А в доме младшего сына Григория Йормы на стене в рамке под стеклом можно увидеть награды Григория — два креста и четыре медали.

Я читал, что задачей финнов, поставленной перед ними немцами, было взятие Вологды, с тем чтобы отрезать порты, куда прибывала военная помощь США и Великобритании, от центра России. Подготовительная к этому работа велась. Финские разведчики и диверсанты взлетали с аэродрома Нурмолица под Олонцом и десантировались в районе Каргополя. Возвращались они (что удавалось не всем) с помощью гидросамолетов, которые приводнялись на озеро Лача. Не знаю, участвовал ли в подобных операциях Григорий. Но ведь за что-то он получил свои награды?

Мой отец с матерью и братьями Борисом и Александром во время войны некоторое время жили в Каргополе у деда Петра Ефимовича. Папа,

рассказывая об этом периоде, неоднократно упоминал озеро Лача. Можно представить себе такую ситуацию: мальчишки, отправившиеся на это озеро, встречаются в лесу финского диверсанта, который оказывается их дядей Гришей. Остается только гадать, как бы он в этой ситуации поступил. Имея представление о специфике работы диверсионно-разведывательных групп, можно предположить всякое...

После 1944 года для Григория началось время страха — страха депортации. По мирному соглашению с СССР Финляндия должна была вернуть советских граждан. Но Григория выручал начальник, который отправлял его в длительные командировки в лес, как только началась очередная волна депортации.

В конце концов, Григорий обратился с просьбой к президенту Паасикиви о смене фамилии и предоставлении гражданства. Просьба была удовлетворена. Так Григорий и его дети стали называться Куунила, что, как мы понимаем, соответствовало олонецкой традиции.

После войны семья Григория обосновалась в Тампере. Он долго работал и в письмах к брату Василию во Францию жаловался, что устал. Еще писал, что по воскресеньям в его двухкомнатную квартиру наведываются его многочисленные дети и внуки, детвора шумит, и нет никаких условий для отдыха.

Детей Григория звали Вера, Юлия, Георг (Юрья), Лео, Мартти, Леа-Марьятта и Йорма. Во время войны Юлия, Лео, Юрья и Мартти были отправлены в нейтральную Швецию — на прокорм, потому что в воюющей Финляндии с питанием были проблемы.

Юлия, которой не исполнилось еще десяти лет, попала в семью, где с ней обходились жестоко. В первое же утро хозяин поднял ее с постели рано, за руку привел на кухню и подтолкнул к плите — чтобы у маленькой мигрантки не оставалось никаких сомнений: здесь не собираются кормить ее даром, еду надо заработать.

С Мартти вышло по-другому. Он оказался в бездетной богатой семье директора фабрики. Маленького мальчика полюбили и захотели усыновить. Шведы подослали к его матери Импи пастора, который уговорил её отдать сына

в приемную семью, где обещали его выучить, сделать наследником. Импи согласилась. Григорий потом об этом очень жалел.

Мартти единственный из детей Григория окончил университет, был небедным человеком, но, как считают его родственники, счастливым не стал и достаточно рано умер.

Больше всего хлопот доставлял родителям Юрья. Он был веселым парнем, пользовался успехом у женщин. Когда ему было лет шестнадцать, Импи пожаловалась мужу, что их сын выпивает со взрослыми мужчинами на окраине города. Сам Григорий не пил и не курил. В Финляндии, как известно, отношение к употреблению спиртного всегда было напряженным (может быть, потому что финны чувствовали за собой тайную слабость к этому делу). В общем, Григорий пошел разбираться с мужиками, которые спаивали его несовершеннолетнего сына. Мужикам претензии Григория не понравились, и они набросились на него с кулаками. Григорий, видимо, предусмотрел такой вариант, потому что взял с собой нож. Ну и, конечно, пребывание в «бригаде К» даром не прошло. В результате Григорий попал под суд и оказался в заключении.

То есть мужчина был серьезный. Один раз, уже являясь пенсионером, во время прогулки неподалеку от дома он подрался с молодыми парнями.

Кауко вспоминает, что дед был молчаливым, задумчивым. О чем он думал? Брату Васе он писал: «Никого не осталось, с кем можно было бы поговорить об Олонце». Раньше таких собеседников он находил при посещении православного собора в Тампере. (Кстати, о соборе. Во время гражданской войны «белые» финны стреляли в нем по иконам и убили в алтаре русского офицера.)

Григорий, как и многие Кунильские, был музыкально одаренным, любил играть на балалайке и мандолине. Его приходил послушать сосед, который однажды принес с собой бутылку водки. Григорий сделал ему выговор и сказал, что если это повторится, то их дружеские отношения закончатся.

Василий и Григорий встретились через сорок лет после того, как расстались в Олонце. Григо-

рий съездил во Францию, братья плакали при встрече. После этого началась их интенсивная переписка, и вот дело дошло до обсуждения политики. Василий с осуждением писал о былом союзе Финляндии с гитлеровской Германией и предложил Григорию выбросить награды, полученные за войну против России. Григорий всплился и ответил, что он выбросил русскую землю, подаренную ему Василием (а ему землю из Донского монастыря в Москве привезла дочь Дениз). Самое сердитое письмо брату с обвинениями в адрес России Григорий отправил в 1972 году. Он не знал, что скоро писать будет некому: в том году Василия не стало. Кстати, до этого, описывая брату своё возвращение из Франции в Финляндию, Григорий упомянул, что на вокзале в Брюсселе неожиданно увидел «настоящего казака»! Видимо, не все русские струны его души умолкли...

Жизнь братьев Кунильских, до конца своих дней тосковавших по родине — Олонцу, это пример того, что происходит с человеком, попавшим под каток истории. В письме к брату от 15 мая 1963 года Григорий горестно восклицает: «Я никак не могу понять, для чего нужна была коммунистическая революция». А ведь происходил он из самой обычной трудовой семьи, ко-

торая не пользовалась никакими привилегиями. Но семьи верующей.

Как-то я разговорился с одним из наших студентов-филологов. Он признался, что после окончания учебы хотел бы уехать из России. Я рассказал ему историю нашего дяди Гриши и спросил студента, готов ли он к тому, чтобы, оказавшись в чужой стране, стать ее солдатом и участвовать в войне против русских — своих родных и бывших друзей. На следующий день я опять встретил этого студента. Он сказал, что долго думал над моими словами и пришел к выводу, что нет, не готов.

Не дай, Господи, нам снова испытать ужасы революции и гражданской войны: разрушение государства, семей, борьба одной части народа с другой — на радость дьяволу и нашим врагам. «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Евангелие от Матфея 12:25).

Андрей Евгеньевич КУНИЛЬСКИЙ—

профессор кафедры классической филологии,

русской литературы и журналистики ПетрГУ

